

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием представителя заявителя С. – адвоката З. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы; ордер от 04 июля 2022 года № ...; удостоверение № ..., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве 19 февраля 2003 года), адвоката У., дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С. от 29 апреля 2022 года (вх. № ... от 11.05.2022) в отношении адвоката У. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 03 августа 2022 года адвокат У. ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 (участвуя в судопроизводстве адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства) и п. 6 ст. 15 (адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (Утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, Протокол № 8), исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем С., что выразилось в осуществлении адвокатом У. в период с 23 ноября 2021 года по 27 декабря 2021 года его защиты в ГСУ СК РФ по уголовному делу № ... в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту С., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ).

Представитель заявителя С. – адвокат З. в заседании Совета сообщил, что своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами полностью согласен. Позицию, изложенную

его доверителем в жалобе, он поддерживает в полном объеме и полагает выводы Комиссии обоснованными и мотивированными. Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат З. сообщил, что, взаимодействуя с С., адвокат У. позиционировал себя как назначенный адвокат, который должен присутствовать при формальных процессуальных действиях. Об этом же С. говорил и следователь, который 23 ноября 2021 года проводил допрос С. в качестве подозреваемого. В ордере адвоката У. есть указание на соглашение, однако реквизиты соглашения не указаны, что, по мнению адвоката З., указывает на признаки фальсификации ордера. Сумма гонорара в размере 5.000 рублей неадекватна защите по сложному уголовному делу и внесена в кассу лишь 06 декабря 2021 года. Вторая часть гонорара внесена еще позже. По мнению представителя заявителя, сам по себе факт заключения реального соглашения об оказании юридической помощи вызывает обоснованное сомнение, что свидетельствует о незаконности и недобросовестности действий адвоката У. Лицо, якобы заключившее с ним соглашение об оказании юридической помощи – К., незнакома как С., так и членам его семьи. Никто из близких и друзей С. не знает К. С. неоднократно утверждал, что не имеет знакомых в городе М. и С. Следственные действия, проводившиеся в жилище и на рабочем месте С., носили скрытый характер, им не придавалась огласка. СМИ тем более не привлекались к их освещению. Следственные действия проводились одновременно в отношении шести фигурантов, которые в итоге были задержаны. По этой причине возможности получить информацию о задержании С. у лиц, не участвовавших в этих действиях, не было. Из материалов уголовного дела и длительного общения с С. адвокат З. не нашел даже намека на его наркотическую зависимость. Считает действия адвоката У. несовместимыми со статусом адвоката.

Адвокат У. в заседании Совета сообщил, что своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами не согласен, в связи с чем представил в Адвокатскую палату города Москвы свои возражения (вх. № ... от 28.09.2022), которые поддерживает в полном объеме. Считает, что выводы Заключения Комиссии о нарушении им Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы № 12 не соответствуют действительности и основаны на предположениях. Помимо этого, по мнению адвоката У., Квалификационная комиссия вышла за пределы жалобы. Фамилию или иные идентификационные данные лица, который проводил его 23 ноября 2021 года через КПП СК РФ, назвать затрудняется, но предполагает, что это был один из следователей следственной группы. Заявка на проход через КПП ГСУ СК РФ была оформлена руководителем следственной группы Ко. Для вступления в дела адвокат У. созванивался со следователем М. С этим следователем он ранее не был знаком, его телефон он нашел через своих знакомых, поскольку К. назвала ему какую-то похожую фамилию следователя (какую именно – не помнит). В ходе общения по телефону следователь М. сообщил ему, что задержанный по фамилии С. действительно есть, и в ближайшее время планируется проведение с ним следственных действий. При заключении

соглашения об оказании юридической помощи с К. о защите С. адвокат У. попросил ее паспорт, сверил личность, сфотографировал паспорт, а также узнал от неё, что она познакомилась с С. на отдыхе в городе С., затем у них была совместная деловая поездка, их связывали близкие отношения, в том числе на почве употребления наркотического вещества – кокаина. Эти сведения он посчитал достаточными для принятия решения о заключении соглашения и вступлении в дело в качестве защитника С.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав представителя заявителя С. – адвоката З., адвоката У., Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что 22 ноября 2021 года Руководителем ГСУ СК в отношении Р., С., Л., П., Б., Ба. и иных неустановленных лиц было возбуждено уголовное дело № ... по фактам получения коммерческого подкупа в составе организованной группы в особо крупном размере, то есть по признакам восьми преступлений, предусмотренных ч. 8 ст. 204 УК РФ.

23 ноября 2021 года С., 1974 года рождения, проживающий по адресу: ..., был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, по подозрению в совершении указанных преступлений.

Из протокола задержания С. от 23 ноября 2021 года усматривается, что он был составлен старшим следователем по особо важным делам ГСУ СК РФ майором юстиции М. в 12.40 час. 23 ноября 2021 года в служебном кабинете № ... ГУ МВД России по К. краю по адресу: При задержании С. какой-либо защитник не участвовал. С. было предоставлено право на один телефонный разговор на русском языке, для реализации которого С. набрал номер телефона своей супруги С.Ю., но телефон был выключен. Иных номеров близких родственников или тех, кого бы он хотел уведомить о своем задержании, С. не помнил.

Согласно пояснениям представителя заявителя С. – адвоката Су., данных в заседании Квалификационной комиссии 06 июля 2022 года, вечером 23 ноября 2021 года, со слов супруги С. – С.Ю., ему стало известно, что в этот день утром по месту жительства С. был произведен обыск, после чего С. увезли, связи с ним нет. Адвокатом У. каких-либо возражений и доказательств, опровергающих сообщенные адвокатом Су. обстоятельства фактического задержания С., не представлено.

Вечером 23 ноября 2021 года адвокат У. вступил в данное уголовное дело в качестве защитника С., предъявив следователю ордер от 23 ноября 2021 года № ..., выданный адвокату У. на защиту С. в ГСУ СК РФ, в котором в графе основание выдачи ордера указано «соглашение». Реквизиты соглашения в ордере не указаны.

Как поясняет адвокат У., получив вечером 23 ноября 2021 года информацию от К. о следователе, который, вероятно, произвел задержание С., он через неназванных знакомых нашел служебный телефон следователя М. и, позвонив ему, выяснил, что в производстве этого следователя действительно

находится уголовное дело, по которому задержан С., и ему следует прибыть в СК РФ для участия в допросе последнего.

При вступлении адвоката У. в уголовное дело следователем М. от подозреваемого С. было получено заявление от 23 ноября 2021 года следующего содержания: «Желаю, чтобы мою защиту осуществлял адвокат У.».

23 ноября 2021 года с 21.00 час. по 21.45 час. с участием защитника – адвоката У. следователем М. был произведен допрос подозреваемого С., в ходе которого последнему было объявлено, что он подозревается в совершении восьми преступлений, предусмотренных ч. 8 ст. 204 УК РФ, а именно в том, что в период с 2018 года по 2021 год, действуя в составе организованной группы, незаконно получал деньги и иное имущество в особо крупном размере за совершение действий в интересах АО «...», ООО «...», ООО «...», ЖК «...», ООО «...», ООО СЗ «...», ООО «...», ООО «...». Ознакомившись с постановлением о возбуждении уголовного дела, С. пояснил: «мне необходимо время для подготовки своей позиции, в настоящее время я не готов давать показания и отвечать на вопросы следствия». Из протокола допроса также усматривается, что он проводился в кабинете № 640 ГСУ СК России, расположенном по адресу:

24 ноября 2021 года с 18.44 час. по 19.57 час. состоялось судебное заседание Б. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя по особо важным делам ГСУ СК России подполковника юстиции Ко. об избрании в отношении подозреваемого С. меры пресечения в виде заключения под стражу. В судебном заседании принимал участие следователь М. Защиту подозреваемого С. в суде осуществляли адвокаты З., Ма. и Су. При этом вопрос о возможности рассмотрения ходатайства следователя в отсутствие защитника – адвоката У. судом не выяснялся, а сам адвокат У. в зале судебного заседания не находился, с С. не общался.

Постановлением Б. районного суда города Москвы ходатайство следователя удовлетворено, в отношении подозреваемого С. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок 01 месяц 30 суток, то есть до 22 января 2022 года.

Постановление Б. районного суда города Москвы было обжаловано в апелляционном порядке защитниками С. – адвокатами Ма. и Су.

Из объяснений представителей заявителя С. – адвокатов З., Ма. и Су., а также из приобщенных ими к материалам дисциплинарного производства документов следует, что, начиная с 24 ноября 2021 года, они предпринимали безуспешные попытки вступить в уголовное дело в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 49 УПК РФ, для чего еще в здании Б. районного суда города Москвы просили следователя М., входившего в следственную группу, принять у них соответствующие уведомления и ордера, однако тот это сделать отказался, порекомендовав адвокатам положить ордера в ящик для обращений и заявлений, расположенный на проходной СК РФ, по адресу:

....

В результате ордера адвокатов З. и Ма., помещенные в указанный ящик в неустановленную дату и 24 ноября 2021 года соответственно, а также ордер, сданный адвокатом Су. в ходе личного приема в приемной СК РФ 01 декабря 2021 года, поступили к руководителю следственной группы лишь 06 (ордера адвокатов З. и Ма.) и 07 декабря 2021 года (ордер адвоката Су.). Ранее указанной даты адвокаты З., Ма. и Су. также не имели возможности посетить С. в месте его содержания под стражей, поскольку сначала следователи им не сообщали информацию о месте содержания С., а затем в ФКУ СИЗО-... ФСИИИ России отсутствовали сведения о том, что указанные адвокаты являются защитниками С. по данному уголовному делу, что, по мнению руководителя данного следственного изолятора, препятствовало посещению этими защитниками (в частности адвокатом Ма.) С. в следственном изоляторе.

01 декабря 2021 года в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве С. с участием защитника – адвоката У. было предъявлено обвинение в совершении семи преступлений, предусмотренных ч. 8 ст. 204 УК РФ [Так указано в резолютивной части постановления следователя о привлечении в качестве обвиняемого – Примечание Совета], совершенных организованной группой в особо крупном размере.

Из постановления следователя по особо важным делам второго следственного отдела управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации подполковника юстиции Ко. от 01 декабря 2021 года о привлечении С. в качестве обвиняемого усматривается, что С. на основании трудового договора от 22 октября 2018 года № ... и в соответствии с приказом генерального директора Общества от 22 октября 2018 года назначен с указанной даты на должность заместителя генерального директора по строительству и инвестициям АО «...».

Кроме того, С. приказом генерального директора АО «...» от 29 декабря 2020 года № ... назначен на должность директора филиала № ... указанного Общества в городе К.

С. обвинялся в том, что наряду с генеральным директором АО «...» Р. он являлся организатором и руководителем организованной группы, в которую помимо них входили Л., П., Б. и Ба. Разработанные ими планы совершения преступлений предусматривали, в том числе, использование участниками организованной группы своих полномочий, организационно-распорядительных, административно-хозяйственных и иных функций в АО «...», его филиалах и подконтрольных организациях для выдачи заинтересованным физическим и юридическим лицам технических условий, беспрепятственного независимо от наличия или отсутствия на то законных оснований подключения объектов недвижимости к газовым сетям на территории города К. и К. края, а также придания законного вида получаемому вознаграждению – деньгам, имуществу и услугам имущественного характера.

01 декабря 2021 года с 13.30 час. по 14.00 час. С. с участием защитника – адвоката У. был допрошен следователем Ш. в качестве обвиняемого. В ходе допроса С. затруднился ответить на вопрос «о признании вины», так как ему необходимо время для более тщательного изучения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, в связи с чем просил следователя отложить его допрос.

27 декабря 2021 года следователем по ОВД ГСУ СК РФ подполковником юстиции Ко. вынесено постановление об удовлетворении ходатайства обвиняемого С. об отказе от защитника – адвоката У.

Из содержания жалобы С. следует, что он выдвигает в отношении адвоката У. дисциплинарные обвинения в том, что тот вступил в уголовное дело в отсутствие предусмотренных законом оснований, а именно – по просьбе и в интересах следователя, в производстве которого находилось уголовное дело, представив ордер, в котором в графе «основание выдачи» было указано «соглашение», тогда как ни С., ни его супруга, ни иные лица с его согласия или по его просьбе соглашения с адвокатом У. не заключали. При этом К. им неизвестна, а 23 ноября 2021 года следователем М. было сообщено С. о том, что адвокат У. осуществляет его защиту по назначению.

Кроме того, С. указывает в жалобе, что отказывался от «услуг» адвоката У. и сообщал об этом следователю, который «отказ не принимал и своей рукой от моего имени под диктовку У. указал в протоколе допроса обвиняемого, что я не возражаю против участия адвоката У.».

Учитывая содержание предъявленных дисциплинарных обвинений, Совет считает необходимым применить сформировавшийся в дисциплинарной практике стандарт доказывания соблюдения адвокатом профессиональных правил при вступлении в уголовное дело в качестве защитника. В этих целях Совет последовательно рассматривает всю совокупность обстоятельств, связанных с появлением адвоката в месте производства следственных и иных процессуальных действий с доверителем, источниками информированности адвоката о потребности доверителя в защите, заключением соглашения об оказании юридической помощи и оплатой гонорара, периодом участия адвоката-защитника в уголовном деле, процессуальным поведением защитника после участия в первоначальных следственных и иных процессуальных действиях, а также с процессуальным поведением следователя по обеспечению реализации права обвиняемого (подозреваемого) на защиту.

Оценка дисциплинарного обвинения в отсутствии надлежащего основания для вступления адвоката в уголовное дело или его подмене (защита по соглашению вместо защиты по назначению) требует устранения любых разумных сомнений в том, что адвокат предпринял все необходимые и достаточные меры для определения законной мотивации и интереса лица, заключившего с ним соглашение об оказании юридической помощи в пользу обвиняемого (подозреваемого).

В соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства.

Согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

Адвокат У. в качестве подтверждения наличия предусмотренных ч. 1 ст. 50 УПК РФ оснований для своего вступления в уголовное дело в качестве защитника С. представил в материалы дисциплинарного производства Соглашение от 23 ноября 2021 года № ... об оказании юридической помощи, заключенное им с К., 1976 года рождения, проживающей в городе М. Из этого Соглашения усматривается, что его предметом является защита С. по уголовному делу в ГСУ СК России. При этом п. 3.1 Соглашения предусмотрено, что Доверитель (К.) «оплачивает сумму вознаграждения за оказываемую юридическую помощь в размере аванс 5 000 (пять тысяч) руб. + 20 000 (двадцать тысяч)». А в п. 3.2 Соглашения указано, что «вознаграждение выплачивается непосредственно при подписании настоящего Соглашения или в иной устно оговоренный срок». Пунктом 5.1 Соглашения предусмотрено, что «оно вступает в силу с момента его подписания Сторонами и действует в течение одного месяца или до полного исполнения его условий, в случае если таковое исполнение наступило раньше, чем через один месяц, кроме условий, указанных в п. 5.2 настоящего Соглашения. Суммы, указанные в п. 3.1 и 3.2, являются оплатой услуг Адвоката за один месяц работы, оплата последующих услуг адвоката происходит по договоренности между Адвокатом и Доверителем в порядке, предусмотренном законодательством РФ». При этом п. 5.2 Соглашения предусмотрено, что «Адвокат приступает к работе только после оплаты своих услуг, предусмотренных в п. 3.2 настоящего Соглашения».

Кроме того, адвокатом У. в материалы дисциплинарного производства представлены квитанция к приходному кассовому ордеру от 06 декабря 2021 года № ... о получении от К. 5 000 рублей в счет оплаты юридической помощи по Соглашению от 23 ноября 2021 года № ... и квитанция к приходному кассовому ордеру от 25 февраля 2022 года № ... о получении от К. 20 000 рублей в счет оплаты юридической помощи по Соглашению от 23 ноября 2021 года №

Адвокатом У. также представлено нотариально удостоверенное заявление К. от 26 июля 2022 года «по месту требования». В указанном заявлении К., в частности, сообщает, что примерно в 11.00 час. 23 ноября 2021 года ей «позвонили из города К. и сообщили», что у ее хорошего знакомого С. «проблемы с полицией». К. решила, что эти проблемы связаны с наркотиками, но «ей сказали», что это не так. Позже К. узнала, что эти проблемы у С. возникли не с полицией, а «со следственным комитетом» и связаны с его работой. С С. К. последний раз общалась в феврале 2021 года, когда он был в городе С., он о своих проблемах ей не рассказывал. К. сказали, что С. везут в аэропорт и, скорее всего, его везут в город Москву. Она

попросила уточнить, куда и кто его везет. После уточнения К. поняла, что С. везут в город Москву «в главное здание следственного комитета». Везет следователь с фамилией то ли М., то ли М. К. решила, что помочь С. она сможет, только наняв хорошего адвоката. Через знакомых она нашла телефон адвоката У., которого ей рекомендовали как хорошего практикующего адвоката с большим опытом работы. Лично адвоката У. К. не знала. Она позвонила адвокату У., и они договорились о встрече. В разговоре адвокат У. предположил, что С. везут в здание на Т. переулке, где расположен «главный офис следственного комитета». Встречались вечером недалеко от метро «Б.». Там К. рассказала адвокату У. все, что знала о ситуации с С., и спросила, можно ли ему как-то помочь. Адвокат У. сказал, что давать оценку ситуации преждевременно, без изучения документов и разговора с С. это сделать невозможно. К. и адвокат У. договорились, что адвокат вступит в уголовное дело и попытается разобраться. Между ними было заключено соглашение на юридическую помощь. Стоимость «услуг» адвоката У. они определили в размере 25 000 рублей. Аванс в размере 5 000 рублей К. должна была оплатить как можно быстрее, остальные деньги – попозже. Адвокат У. предложил произвести оплату в кассу коллегии адвокатов. Также К. и адвокат У. определились, что если потребуется увеличение оплаты его «услуг», они это обсудят после общения со следователем. Денежные средства в счет оплаты работы адвоката У. К. передавала в коллегию адвокатов, расположенную в городе Москве на улице Д., на втором этаже жилого дома, куда приезжала дважды в декабре или январе.

Рассматривая с применением приведенного выше стандарта доказывания представленное адвокатом У. Соглашение от 23 ноября 2021 года № ... об оказании юридической помощи С. и сообщенные адвокатом УЛ. обстоятельства его заключения, Совет отмечает, что из объяснений адвоката У. следует, что на момент заключения Соглашения на защиту С. ему было известно от К., что С. не просил ее заключить с адвокатом У. соглашение на свою защиту. Это была исключительная инициатива самой К., о которой никто из близких С. лиц не был уведомлен.

В этой связи Совет напоминает адвокату У., что в соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В Разъяснениях № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (Утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, Протокол № 8) указано:

«Соглашение об оказании юридической помощи в интересах третьего лица могут заключить физическое лицо, юридическое лицо (например, в

интересах своего работника), общественное объединение (например, в интересах лиц, для защиты которых оно создано) и другие субъекты гражданских правоотношений.

В целях соблюдения прав обвиняемых (подозреваемых) – получателей юридической помощи (защиты по уголовному делу) при заключении соглашений о ее оказании в пользу третьего лица адвокатам следует быть осмотрительными, обращая особое внимание на личность доверителей, обратившихся к адвокату в интересах таких лиц, заключающих и подписывающих соглашение об оказании юридической помощи. Как правило, не вызывает сомнений ситуация, когда соглашение с адвокатом на защиту подозреваемого или обвиняемого заключает его близкий родственник (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки). Родственные или свойственные отношения сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном интересе, который эти лица преследуют, заключая соглашение с адвокатом.

Между тем в ситуации, когда отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту третьего лица, и самим обвиняемым (подозреваемым) с очевидностью не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную осмотрительность, более детально и осторожно подходить к вопросу о принятии поручения и фиксации сведений о лице, заключающем соглашение об оказании юридической помощи. Выяснение законной мотивации и интереса лица, заключающего соглашение об оказании юридической помощи, должно быть предметом тщательного интервьюирования такого лица со стороны адвоката.

По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России «ФСИН-ПИСЬМО» <www.fsin-pismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его

защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту» (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 2 (145) С. 129-130*).

Поскольку заявитель С. факт своего знакомства с К. категорически отрицает, в данном случае именно на адвокате У. лежит обязанность по доказыванию как факта знакомства С. с К., так и наличия у последней законной мотивации и интереса в заключении Соглашения на защиту С., так как в соответствии с приведенными Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» именно адвокат У. был обязан выяснить указанные обстоятельства у К. перед заключением с ней Соглашения.

Вместе с тем адвокатом У. доказательств, подтверждающих исполнение этой обязанности, не представлено. В своих письменных объяснениях адвокат У. сообщил, что не может сообщить всех обстоятельств, так как они касаются лично К., которая сказала ему, что С. «очень близкий ей человек». В заседании Совета адвокат У. привёл отдельные обстоятельства взаимоотношений С. и К., сообщённые ему последней, которые, с её слов, выражались в знакомстве на отдыхе в городе С., совместной деловой поездке и употреблении наркотического вещества – кокаина.

Совет в этой связи констатирует, что факта знакомства между лицом, заключающим Соглашение об оказании юридической помощи, и лицом, которому оказывается юридическая помощь, со всей очевидностью недостаточно для вывода о наличии законной мотивации и интереса в заключении Соглашения на защиту. При этом Совет обращает внимание, что К. и С. проживают в разных городах, и, помимо одинаковой возрастной категории, нет ничего, что могло бы указывать на гипотетическую возможность наличия между ними «близких отношений».

В рассматриваемой ситуации некие «близкие отношения» и общение на фоне употребления наркотических веществ, о чём адвокату У., согласно его объяснениям, стало известно со слов К., явно не являются достаточным подтверждением для формирования у адвоката У. профессионального суждения о наличии у К. законной мотивации и интереса в заключении Соглашения об оказании юридической помощи С. Наоборот, сведения о совместной антиобщественной или противоправной деятельности (употребление наркотических средств) препятствуют формированию такого суждения, могут свидетельствовать о пороках сознания и воли лица, употребляющего наркотические средства, и в силу этого требуют значительно более тщательного интервьюирования на предмет выяснения возможности заключения Соглашения.

Совет также считает необходимым проанализировать последовательность дачи объяснений адвокатом У. об этих обстоятельствах и появления письменных объяснений К. об обстоятельствах получения информации о потребности С. в юридической помощи.

Так, давая устные объяснения в заседании Квалификационной комиссии 06 июля 2022 года, адвокат У. не привёл даже вышеуказанную позицию, поскольку признал, что вообще не выяснял, кем К. приходится С., а лишь «по ее поведению» сделал вывод о том, что та волнуется за С.

Адвокату У. неоднократно предлагалось обеспечить явку К. в заседание Квалификационной комиссии для ее опроса, однако вместо этого им представлено нотариально удостоверенное заявление К. При этом в данном заявлении не указывается, в каких отношениях состоят К. и С., отсутствуют как сведения, подтверждающие наличие у К. законной мотивации и интереса в заключении соглашения на защиту С., так и сведения об источнике осведомленности К. о задержании С., имевшем место 23 ноября 2021 года, и о следственном органе, в производстве которого находится уголовное дело в отношении С.

Более того, объяснения К. противоречат процессуальным документам органа предварительного расследования, имеющимся в материалах дисциплинарного производства. Так, в своем письменном нотариально удостоверенном заявлении К. указывает, что о проблемах С. с правоохранительными органами ей стало известно примерно в 11.00 час. 23 ноября 2021 года. Позже ей стало известно от неустановленного источника, что С. везут в аэропорт.

Вместе с тем, согласно протоколу задержания С. от 23 ноября 2021 года, он был составлен только в 12.40 час. в служебном кабинете № ... ГУ МВД России по К. краю по адресу: ... Соответственно, не ранее 12.40 час. С. была предоставлена возможность реализовать право на телефонный звонок близким лицам или родственникам. Телефон жены был выключен, а телефонных номеров иных лиц, которых С. хотел уведомить о своем задержании, он не помнил. Из этого с очевидностью следует, что ни в 11.00 час., ни в 12.00 час. С. не могли везти и не везли в аэропорт.

Кроме того, из обстоятельств фактического задержания С. усматривается, что он был фактически задержан в своем жилище сразу после проведения обыска. Следовательно, информацией о произведенном фактическом задержании С. располагала только его супруга – С.Ю., а также сотрудники правоохранительных органов.

В заседании Совета выяснялся вопрос о публичности произведенных в отношении С. следственных действий. Каких-либо доказательств их публичности и, соответственно, возможности получения информации о задержании С. или о наличии у него проблем с правоохранительными органами (по версии К.) от третьих лиц представлено не было. Наоборот, со слов представителя заявителя – адвоката З. – упомянутые выше следственные действия проводились в условиях скрытности и без придания им огласки. Эти объяснения представителя заявителя не были оспорены адвокатом У., участвовавшим в заседании Совета.

Дополнительно Совет отмечает, что адвокатом У. не представлено и каких-либо доказательств описанной им коммуникации посредством телефонной связи с К. и следователем М., якобы имевшую место 23 ноября

2021 года. Вместе с тем, по словам адвоката У., все телефонные переговоры велись им 23 ноября 2021 года со своего мобильного телефона, и факты ведения указанных переговоров, если бы они имели место, легко могли быть подтверждены детализацией соединений, выданной соответствующим оператором связи.

Согласно ч. 4 ст. 50 УПК РФ, если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

Адвокат У. сообщил, что вечером 23 ноября 2021 года он встретился с К. в районе станции метро «Б.». Заключив с К. Соглашение на защиту С., адвокат У. созвонился со следователем М., после чего направился в Следственный Комитет РФ. В момент прибытия адвоката У. в здание Следственного Комитета РФ, расположенное по адресу: ..., подозреваемый С. находился уже там.

Факт нахождения подозреваемого С. в здании Следственного Комитета РФ, а не в изоляторе временного содержания, свидетельствует о намерении следователей провести его допрос именно 23 ноября 2021 года, то есть еще до истечения 24 часов с момента его фактического задержания, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что до якобы совершенного адвокатом У. звонка у следователей уже имелась информация о том, что в деле должен появиться защитник по соглашению. На это также указывает и то обстоятельство, что заявка на обеспечение подозреваемого С. защитником в порядке, предусмотренном ст. 50, 51 УПК РФ, в АИС АПМ следователями не размещалась.

Совет не может доверять сведениям, изложенным в сообщении следователя по ОВД ГСУ СК РФ Ко. от 26.09.2022, представленном адвокатом У. после ознакомления с Заключением Квалификационной комиссии (вх. № ... от 28.09.2022), о том, что «через систему вызовов адвокатской палаты г. Москвы приглашался 23.11.2022 адвокат Н.». Совет выражает недоумение по поводу того, о какой «системе вызовов адвокатской палаты г. Москвы» идет речь в сообщении следователя, и почему через эту систему «приглашался» конкретный адвокат – Н. Действующая Автоматизированная информационная система Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) является единственным способом назначения адвокатов защитниками, действующим в городе Москве, и она исключает возможность «приглашения» конкретных адвокатов для защиты подозреваемых и обвиняемых. Кроме того, в случае назначения адвоката для участия в уголовном деле в порядке ст. 51 УПК РФ посредством АИС АПМ заявке инициатора присваивается уникальный номер, по которому возможно произвести все необходимые идентификационные действия и подтвердить или опровергнуть указанные выше сведения. Однако таких сведений в сообщении следователя не содержится.

Согласно имеющейся в материалах дисциплинарного производства служебной записке руководителя IT-отдела Адвокатской палаты города Москвы Богданова Д.М. от 01 июля 2022 года от следователя СК РФ в Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы в ноябре 2021 года уведомления об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве для осуществления защиты С. в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, не поступало.

В подтверждение своей защитительной позиции адвокатом У. в качестве доказательства получения согласия С. на оказание ему адвокатом У. юридической помощи по заключенному с К. соглашению представлено заявление С. на имя следователя М. от 23 ноября 2021 года, в котором С. выражает желание, чтобы его защиту осуществлял адвокат У.

Однако это заявление, вопреки доводам адвоката У., не может рассматриваться Советом как согласие С. на получение юридической помощи по соглашению, заключенному в его интересах К., поскольку оно адресовано следователю, а не адвокату У., и в нем не содержится сведений о том, что адвокатом У. была доведена до С. информация о заключении с К. соглашения на его защиту. Более того, из содержания этого заявления не следует, что до С. кем-либо (следователем или адвокатом) была доведена информация о том, что адвокат У. является его защитником именно по соглашению, а не по назначению следователя. Нет указаний и на то обстоятельство, что адвокат У. является защитником С. по соглашению, и в протоколах его допросов в качестве подозреваемого и обвиняемого.

Наконец, Совет обращает внимание, что подобное заявление было оформлено по инициативе следователя и исключительно в процессуальных целях - для подтверждения соблюдения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту (ст. 16 УПК РФ). Оно никак не связано с соблюдением профессиональной этической обязанности адвоката по получению согласия непосредственно от доверителя на представление его интересов адвокатом по соглашению, заключенному третьим лицом. Следовательно, это заявление С. не свидетельствует об исполнении адвокатом У. указанной обязанности.

Совет не может согласиться и с доводами адвоката У., изложенными в возражениях (вх. № ... от 28.09.2022), согласно которым «в условиях вечернего допроса, сложности уголовного дела, наличия письменного согласия С. на защиту получение каких-либо доказательств, дополнительных подтверждений личных взаимоотношений не представлялось возможным».

Помимо того, что приведённые адвокатом У. обстоятельства не свидетельствуют о невозможности выяснения им всех необходимых обстоятельств в ходе конфиденциального общения с подзащитным (которое, согласно объяснениям самого адвоката У., имело место), Совет вынужден повторить требование, содержащееся в его ранее упомянутых Разъяснениях № 12: «...наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе [...]». Поэтому ни

вечернее время допроса, ни сложность уголовного дела, ни наличие процессуального заявления о согласии на защиту не препятствовали адвокату У. и не освобождали его от обязанности предоставить подозреваемому С. Соглашение об оказании юридической помощи от 23 ноября 2021 года, которое должно было быть у адвоката У. в наличии, поскольку было заключено за несколько минут до его прохода через КПП СК РФ. Никакие обстоятельства не препятствовали С. и прочитать содержание указанного Соглашения в части, касающейся лица, его заключившего, попросить С. поставить свою подпись или сделать иную запись, свидетельствующую о согласии на оказание ему адвокатом У. юридической помощи в качестве защитника на основании этого Соглашения. Совет отмечает, что в это же самое время у С. имелась возможность прочитать протокол допроса подозреваемого и собственноручно написать и подать следователю заявление о согласии на защиту адвокатом У. Действуя разумно и осмотрительно при заключении Соглашения об оказании юридической помощи с иными лицами, чью мотивацию и законный интерес следует выяснять с особой тщательностью и вниманием, адвокат У., во избежание любого недопонимания и для формирования доверительных отношений с С., обязан был представить последнему экземпляр Соглашения и предложить изложить согласие на защиту в простой письменной форме на самом экземпляре Соглашения либо отдельным письменным заявлением, адресованным адвокату, что исключало бы любые сомнения в наличии законных оснований для вступления защитника в уголовное дело.

Поэтому Совет расценивает несовершенство адвокатом У. этих действий как доказательство его стремления завуалировать отсутствие законных оснований для вступления его в уголовное дело в качестве защитника С. Это подтверждается и доводом жалобы С. о том, что адвоката У. следователь представил ему как назначенного защитника.

По смыслу вышеприведенных Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», соглашение об оказании юридической помощи, заключенное в пользу третьего лица, обретает процессуальное значение основания для вступления адвоката в уголовное судопроизводство в качестве защитника лишь с момента получения не вызывающего сомнения в своей добровольности и ясности согласия подзащитного на осуществление его защиты адвокатом, заключившим такое соглашение. Такое согласие от подзащитного С. адвокатом У. получено не было, поэтому у адвоката У. отсутствовали правовые основания для вступления в уголовное дело.

Переходя к анализу положений Соглашения, Совет отмечает, что в нарушение Разъяснения № 6 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на уголовную защиту» (утверждено Советом 30 мая 2013 года и опубликовано в *Вестнике Адвокатской палаты города Москвы. 2013. Выпуск № 6,7(116,117). С. 14-15.*

Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальном выпуске Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 126-128) оно заключено не на всю стадию предварительного расследования, а всего на один месяц, что само по себе свидетельствует о том, что, вступая в уголовное дело, адвокат У. изначально не предполагал осуществлять защиту С. на протяжении предварительного следствия.

На это обстоятельство также указывает незначительный размер определенного сторонами Соглашения вознаграждения по многоэпизодному уголовному делу, по которому С. обвинялся в совершении нескольких особо тяжких преступлений в составе организованной группы, и последующее, в нарушение Разъяснения № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования» (утверждено Советом 29 сентября 2014 года и опубликовано в *Вестнике Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125). С. 7-8. Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальном выпуске Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 128-129*), фрагментарное участие адвоката У. в осуществлении защиты С. (в частности, его неявка в судебное заседание по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании в отношении С. меры пресечения в виде заключения под стражу).

При этом Совет отмечает, что доказательств, подтверждающих защитительную версию адвоката У. о том, что между ним и С. 23 ноября 2021 года якобы была достигнута договоренность о том, что адвокат У. может не принимать участие в судебном заседании по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении С. меры пресечения в виде заключения под стражу в том случае, если в уголовное дело вступят иные защитники, адвокатом У. не представлено. С. наличие такой договоренности категорически отрицает.

Согласно приобщенному адвокатом У. ответу следователя по ОВД ГСУ СК РФ Ре. от 23.09.2022 (вх. № ... от 28.09.2022) 24 ноября 2021 года во время рассмотрения Б. районным судом города Москвы ходатайства следователя об избрании в отношении подозреваемого С. меры пресечения в виде заключения под стражу адвокат У. в период с 17.30 час. до 21.00 час. в том же следственном органе, в котором расследуется уголовное дело в отношении С., ознакомился с материалами уголовного дела. Совет обращает внимание, что необходимость ознакомления с материалами уголовного дела не может служить оправданием и уважительной причиной неявки в суд для рассмотрения ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, которое должно состояться в строго ограниченный период времени (ч. 4 ст. 108 УПК РФ).

Отдельно Совет считает необходимым отметить, что денежные средства в размере 20 000 рублей были внесены в кассу адвокатского образования только после того, как в Адвокатскую палату города Москвы в отношении адвоката У. поступила жалоба адвоката Су. (вх. № ... от

31.01.2022), и адвокат У. был с ней ознакомлен, что также является косвенным подтверждением формального заключения Соглашения на защиту С.

Наконец, согласно приведённым выше условиям Соглашения, оно вступало в силу только после оплаты аванса, которая, как установлено материалами дисциплинарного производства, последовала лишь 06 декабря 2021 года. Следовательно, 23 ноября 2021 года данное соглашение, даже если допустить, что оно было подписано в эту дату перед посещением адвокатом У. Следственного комитета РФ и участием в процессуальных действиях в качестве защитника С., не вступило в силу, а следовательно – не могло являться правовым основанием для вступления адвоката У. в уголовное дело в качестве защитника С.

В заключение Совет отмечает, что, в отличие от адвоката У., другие защитники С. по соглашению – адвокаты З., Ма. и Су. имели значительные затруднения при вступлении в уголовное дело и смогли вступить в него только после того, как их доверителю было предъявлено обвинение, и он был допрошен в качестве обвиняемого. При этом Совет не соглашается с доводами адвоката У. о том, что 01 декабря 2021 года С. отказался от дачи показаний, поэтому участие в уголовном деле защитника – адвоката У. не могло повлиять на исход дела, поскольку, отвечая на вопрос следователя о признании вины, С. заявил, что ему необходимо время для более тщательного изучения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, в связи с чем просил следователя отложить его допрос, тем самым допустил возможность в последующем сделать заявление о признании вины. Кроме того, это обстоятельство не влияет на оценку профессионального поведения адвоката У. применительно к выдвинутым против него дисциплинарным обвинениям.

Перечисленные обстоятельства в их совокупности приводят Совет к выводу о том, что 23 ноября 2021 года адвокат У. мог узнать о задержании С. исключительно от следователей ГСУ СК РФ, в производстве которых находилось уголовное дело № ..., и вступил в уголовное дело по их просьбе. Оформленное же адвокатом У. с К. Соглашение на защиту С., в отсутствие просьбы последнего или иных близких ему лиц заключить это Соглашение, и в отсутствие его ясно выраженного добровольного согласия на получение юридической помощи адвоката У. именно по этому Соглашению, не может быть признано правовым основанием для вступления в дело защитника, предусмотренным ч. 1 ст. 50 УПК РФ. Совет, принимая во внимание совокупность установленных и описанных выше обстоятельств и подтверждающих их доказательств, оценивает данное Соглашение как заключённое с целью создания видимости легитимного участия адвоката У. в уголовном деле в качестве защитника С.

Рассматривая довод жалобы о том, что С. отказывался от адвоката У., сообщал об этом следователю, который «отказ не принимал и своей рукой от моего имени под диктовку У. указал в протоколе допроса обвиняемого, что я не возражаю против участия адвоката У.», Совет отмечает следующее.

Указанный довод жалобы достаточными доказательствами не подтвержден. Адвокат У. в своих письменных и устных объяснениях указанное обстоятельство не подтверждает. При этом в протоколе допроса обвиняемого С. от 01 декабря 2021 года какие-либо заявления С. отсутствуют.

Из протокола допроса обвиняемого С. от 01 декабря 2021 года действительно усматривается, что запись о том, что С. не возражает против участия адвоката У., выполненная на 5-ом листе в средней части протокола, как и большинство записей в этом протоколе, производилась рукописно следователем Ш., однако само по себе это обстоятельство не свидетельствует о том, что С. 01 декабря 2021 года отказывался от адвоката У.

Не может рассматриваться в качестве достаточного доказательства рассматриваемого довода жалобы С. и заключение специалиста № ... от 03 января 2022 года, согласно которому «Подписи от имени С., расположенные в копии протокола допроса обвиняемого от 01 декабря 2021 года на 1-ом листе в графе «Обвиняемый» и на 5-ом листе в средней части документа после рукописного текста, выполнены разными лицами».

Вместе с тем, Совет полагает, что, поскольку адвокат У. вступил в уголовное дело в качестве защитника С. в отсутствие установленных законом оснований, данный довод жалобы в самостоятельной оценке не нуждается, поскольку не влияет на разрешение настоящего дисциплинарного производства.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката У. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката У. о выходе Квалификационной комиссии за пределы жалобы, поскольку все выводы, содержащиеся в Заключение Комиссии, являются оценкой именно тех дисциплинарных обвинений, которые выдвинуты в жалобе заявителя и поддержаны его представителем в заседании Совета.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката У. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет отмечает его умышленный и злостный характер, сопряжённый с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил вступления в уголовное дело и участия в нём в качестве защитника. Игнорирование императивного нормативного запрета вступления в уголовное дело в отсутствие законных оснований в совокупности с явно недопустимым и недостойным званием адвоката способом участия в уголовном деле свидетельствует о преследовании адвокатом У. в профессиональной деятельности интересов и целей, несовместимых со статусом адвоката.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат У., несмотря на значительный стаж адвокатской деятельности, не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами и не желает их приобретать.

При таких обстоятельствах Совет признаёт профессиональное поведение адвоката У. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не находит возможности применения к адвокату У. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление У. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённое им нарушение профессиональных правил совместимо со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: 1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; 2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; 3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого У. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату У. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 (участвуя в судопроизводстве адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства) и п. 6 ст. 15 (адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях

заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (Утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, Протокол № 8), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем С., что выразилось в осуществлении адвокатом У. в период с 23 ноября 2021 года по 27 декабря 2021 года его защиты в ГСУ СК РФ по уголовному делу № ... в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту С., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ).

Установить срок, по истечении которого У. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков